

М. Эдельман
США

Перевод с английского И. С. Пирожковой, С. М. Полякова

КАТЕГОРИЗАЦИЯ, ВОСПРИЯТИЕ И ПОЛИТИКА (3)

АННОТАЦИЯ. Продолжение перевода разделов из книги «Политический язык: успех слова и провал политики» («*Political Language: Words that succeed and policies that fail*», 1977). В данных частях работы рассматривается взаимосвязь между политизацией различных проблем и легитимизацией власти.

Привлечение членов низкостатусных групп к непосредственному участию в государственной политике снижает их желание выразить протест и одновременно минимизирует вероятность того, что более широкая общественность будет воспринимать их как несправедливо обделенный класс. В этом случае, участие в реализации государственной политики порождает общественное спокойствие, в то время как исключение этих людей из официального политического процесса приводит к социальному протесту. Политическое участие символизирует влияние не обладающих властью людей и одновременно является ключевым инструментом осуществления социального контроля. Реальное политическое влияние осуществляется с помощью ресурсов, которые формируют убеждения и поведение других людей. Обычные ресурсы включают в себя заинтересованную экспертизу, ограничение информации, поощрение или наказание, физическое принуждение и явную или скрытую взятку. При осуществлении самоуправления в связи с тем, что члены малых групп, которые не любят или не принимают дискуссии и «самоуправление», уклоняются от участия или остаются пассивными, люди, выступающие в роли покровителей, доминируют на собраниях и оказывают влияние на колеблющихся членов группы. Наряду с политизацией используется такая форма снижения общественного напряжения, как апolitичность: определение проблемы как профессиональной или технической оправдывает участие в ее решении профессионалов и техников и обосновывает принятие широкими массами профессионального заключения. Такое решение снимает необходимость традиционных политических митингов и снижает вероятность массовых протестов или беспорядков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; языковая категоризация; образ врага; политическая метафорология; стереотипы мышления; политические метафоры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мюррей Эдельман (1919—2001), магистр исторических наук (1942), доктор политических наук. Работал в Иллинойском университете (с 1948 г.), в Висконсинском университете в Мадисоне (с 1966 г.), с 1990 г. официально не работал.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ: Пирожкова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: irene22@live.ru.

Поляков Сергей Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Шадринский государственный педагогический университет; доцент, Уральский государственный педагогический университет; 641800, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3; e-mail: sepol@list.ru.

Язык участия и язык сопротивления

По языку и жестам членов низкостатусных групп можно определить, являются ли они коллективными участниками проводимой официальной политики либо ее противниками. Такое деление имеет кардинальное значение, так как оно обуславливает последствия как для противников существующего режима, так и для законопослушных граждан. Люди, получающие минимум имеющих в распоряжении общества благ, неизбежно испытывают противоречивые внутренние побуждения: либо играть предписываемую им роль в установленных институтах, либо выразить протест на основании того, что их устройство несправедливо. Привлечение членов низкостатусных групп к непосредственному участию в государственной политике снижает их желание выразить протест и одновременно минимизирует вероятность того, что более широкая общественность будет воспринимать их как несправедливо обделенный класс. В этом

случае участие в реализации государственной политики порождает общественное спокойствие, в то время как исключение этих людей из официального политического процесса приводит к социальному протесту.

Ответить на вопрос о том, являются ли определенные действия формами участия или формами протеста, обычно так же сложно, как и на вопрос о том, наблюдается ли в данном случае конфликт основных интересов; ответ в значительной мере зависит от языковой и жестовой категоризации. Были ли представители бедных классов реальными участниками работы Агентств по борьбе с бедностью, или эти Агентства являлись для них еще одним форумом для выражения протеста правительственной политике? Не вызывает удивления тот факт, что решения, лишающие большое количество людей дорогих им ценностей, зачастую политизируются, порождая предвзвешенные мнения о том, что все заинтересованные стороны были включены в их формулировку (Герберт Симон исследует вклад фактов и ценностей в про-

Перевод выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

Продолжение. Предыдущие части перевода: *Политическая лингвистика*. 2016. № 4. С. 244—250; № 5. С. 165—171.

© Эдельман М., 1977

© Пирожкова И. С., Поляков С. М., перевод на русский язык, 2016
257

цесс принятия административных решений [Simon 1957], хотя он не учитывает то, что факт и ценность эмпирически неотделимы друг от друга, и не обращает внимания на терминологическую тавтологию).

Политическое участие символизирует влияние не обладающих властью людей и одновременно является ключевым инструментом осуществления социального контроля. Как следствие, либералы, радикалы и представители власти — все предпочитают принцип участия в связи с его символической значимостью и семантической пустотой.

Общественные и личные проблемы

Для того чтобы придать политический характер проблеме, необходимо сделать вывод, что она требует общественного решения — создать не подвергающееся сомнению убеждение в том, что при ее решении люди не имеют права действовать в одиночку, и заставить людей поверить в это. Политизация — это не что иное, как душевное состояние человека. Ответ на вопрос о том, какие проблемы подходят для личного, а какие — для коллективного принятия решения, всегда зависит от социальной подсказки. В одни времена и в определенных странах плата за выполненную работу и условия труда были прерогативой работодателя, в другие исторические моменты эти вопросы политизировались. Столь же проблематичными являются вопросы религии и морали и, по сути дела, все формы человеческого поведения.

Определение принятой проблемы как политической (т. е. общественной) или личной в большинстве случаев положительно воспринимается людьми, которых она прямо не затрагивает, однако она обычно неоднозначно воспринимается теми, кого непосредственно касается. Профсоюзы продолжают пытаться изменить законы, устанавливающие продолжительность рабочего дня, размер зарплаты и условия труда; однако определение получателей социальных пособий как людей, подлежащих административному надзору, запрет просмотра гражданами пьес и фильмов неприличного содержания и правило о том, что учащиеся должны подвергаться контролю со стороны школьной администрации, воспринимаются общественностью как законные требования до тех пор, пока они не становятся объектом социального протеста. Организованным группам, обладающим финансовыми ресурсами, легче организовать сопротивление, чем людям, подверженным ограничениям из-за своей бедности, возраста или диссидентского поведения. Последние часто вос-

принимают ограничения так, как будто они приносят им пользу, конечно с изрядной долей амбивалентности.

Участие в проведении государственной политики остается центральным символом демократии, независимо от того, расширяет ли какой-то конкретный пример политизации личное участие граждан или ограничивает его. Люди, потерявшие свою автономию, скорее всего, ясно понимают это или испытывают двойственные чувства, так как вышеупомянутый символ означает демократию и для них; но для общественных групп, напрямую не затронутых проблемой, именно демократическая коннотация участия преобладает во всех случаях, когда упор делается на «самоуправлении».

Лишение индивида личной автономии посредством политизации (здесь и далее автор употребляет данный термин в значении «участие в политическом процессе или администрировании») практически всех сторон жизни является ключевым инструментом, с помощью которого авторитарные власти контролируют население, независимо от преобладающей идеологии. Правительственное преследование диссидентов имеет наиболее ярко выраженный и драматический характер; однако преследование вызывает беспорядки лишь в том случае, если обеспечивающие его психологи не заручатся общественной поддержкой; кроме того, политизация выступает как психологически эффективная тактика, поскольку она воспринимается как демократическая мера. Участие в собраниях часто носило обязательный характер в Китае, России и нацистской Германии, а также в психиатрических клиниках, тюрьмах и вузах, в которых практиковалось самоуправление; это объясняется тем, что таким путем гораздо легче достичь общественного признания правил, которые вызвали бы протест, если бы вводились директивно.

Когда стороны имеют равные возможности в переговорном процессе, участие создает возможности для реального влияния на распределение благ. Когда же они явно неравны, как и бывает в большинстве случаев, участие превращается скорее в символическое действие для поддержания общественного спокойствия, чем в реальную возможность предоставления благ власть не имеющим. Таким образом, групповая выработка политики дает ожидаемые результаты, отражая существующее неравенство участников политического процесса, особенно в доступе к ресурсам влияния на других людей с целью формирования политического мира. По-другому говоря, политизация, по

всей видимости, создает впечатление, что существующая система распределения ресурсов справедлива. Она чаще выступает как самоцель и гораздо реже является методом для принятия решения.

Политизация как результат кооптации

Даже формальное участие через представителей помогает утвердить главные ценности организации или государственной формы правления. Немецкие законы о рабочем самоуправлении, предоставляющие формальное представительство рабочим в управлении предприятием, приближают представителей рабочего класса к финансовым и управленческим проблемам администрации, но не являются настолько радикальными мерами, какими они представлялись многим в момент их принятия после Второй мировой войны [Spiro 1958]. Принцип «максимально возможного участия» малообеспеченных людей в американских агентствах по борьбе с бедностью имел похожий результат — он сделал мало для увеличения политического влияния бедных [Kramer 1969: 244—250]. Правительственные министерства и комиссии по «урегулированию проблем» с поразительным постоянством защищают интересы социальных групп, владеющих значительными материальными ресурсами [см.: Edelman 1964: ch. 2, 3].

Представители тоталитарных режимов знают, что присутствие публики на политических дискуссиях является эффективным средством для принуждения потенциальных диссидентов подчиниться правящей идеологии, так как групповое обсуждение предполагает воздействие равных членов группы друг на друга, а мы всегда скорее верим членам своего круга, и нам труднее им в чем-то отказать, чем представителям власти, которые продолжают предоставлять доминантные ценности и доступные «факты». По тем же причинам политическое участие, основанное на принуждении и называемое самоуправлением, участием в управлении лечебного учреждения или групповой терапией, очень выгодно для руководителей тюрем, психиатрических лечебниц, школ и, в меньшей степени, для организаторов политических дискуссий, в которых принуждение выступает в форме общественного давления.

Этот скрытый эффект политизации, конечно же, не является ее единственным результатом. В местах, где недовольство получает широкое распространение, политические дискуссии предоставляют властям информацию о предельно допустимом уровне лишений, превышение которого может при-

вести к общественным беспорядкам, и таким образом ограничивают лишения. Участники политических дискуссий могут предложить тактические решения, многие из которых приемлемы для властей.

Органы, вырабатывающие политику, также принимают решения, которые сталкивают влиятельные группы друг с другом [Dye, Ziegler 1970]. Несмотря на то, что такие дискуссии могут оказаться очень важными для соперничающих элит, они не оказывают заметного влияния на наличие власти или ресурсов у большинства людей.

Помимо этих исключительных случаев, формальные процедуры и дискуссии являются примерами политического ритуала, а не процесса выработки политического курса в том смысле, что они оказывают влияние на формирование политических убеждений и представлений, одновременно претендуя, обычно ложно, на прямое влияние на события и поведение. Танец вызова дождя является ритуалом по тем же причинам. Формальные правительственные процедуры, независимо от ситуации, *представляют собой* формальность, важную для обеспечения молчаливого согласия с политическими решениями.

Реальное влияние против формального

Реальной властью обладают те люди, которые могут осуществлять влияние *за рамками* формальных процедур. Политическое влияние осуществляется с помощью ресурсов, которые формируют убеждения и поведение других людей. Обычные ресурсы включают в себя заинтересованную экспертизу, ограничение информации, поощрение или наказание, физическое принуждение и явную или скрытую взятку. В качестве примеров можно назвать лоббирование бизнеса, влияние экономистов и статистиков на налоговое законодательство, взаимные услуги среди законодателей, корпоративное фиксирование цен, дележ доходов между промышленниками и ответственными правительственными чиновниками, а также почтение, с которым власти, профессионалы и большинство населения относятся к богатству и высокому социальному статусу.

Такие ресурсы оказывают влияние на все важные решения правительства и других институтов власти, хотя они должны узакониваться через формальные процедуры. Известный политик, адвокат, профессионал или аналитик становится успешным, если он или она умело использует неформальные способы влияния, хотя даже эти эксперты часто признают, что политика должна осуществляться с помощью формальных про-

цедур, особенно когда это касается, например, решения о начале учебного года в средней школе, а не лоббирования или судебного соглашения. На фоне групповых дискуссий принимаются законы, заслушиваются и решаются дела в суде, формально рассматриваются и публикуются административные инструкции; однако исход дела решается закулисной интерпретацией и неформальными процедурами, которые выдвигают на передний план определенные ценности и способствуют распространению необходимой информации. Эти процессы могут быть неотъемлемой частью ритуалов, но сами по себе ритуалами не являются, так как они напрямую связаны с действиями, обеспечивающими определенные ресурсы. За формальными рекомендациями и решениями администратора, политика или профессионала стоят их групповые связи и связи с другими заинтересованными группами. За избирательными предпочтениями и речами рядовых членов органов по выработке политических решений стоят их надежды на общественное или цензурное одобрение и боязнь санкций. Как публичные, так и скрытые аспекты процессов выработки политики выполняют свои функции — функции первых, в основном, символические, вторые же обычно связаны с реальной возможностью влиять на распределение ценностей. Международная телефонная и телеграфная корпорация (ИТТ) оказывает значительное влияние на правительственную политику, формально не участвуя в ее выработке, в то время как член обычной «группы терапии» принимает постоянное участие в работе своей группы, но не оказывает заметного влияния на формирование основ ее деятельности. Тот, кто обладает ресурсами, обладает и властью, независимо от формального участия в политических процессах; те же, у кого этих ресурсов нет, могут лишь участвовать в формулировке политических решений, отражающих их слабость.

Вполне очевидно, что утверждение о символическом характере широко пропагандируемых и неприкосновенных правительственных процедур основано, как и все случаи подведения под рубрику, на оценочном суждении. На самом деле формальные процедуры символически в том смысле, что они не вызывают радикальных или фундаментальных изменений в существующем материальном или политическом неравенстве. Они могут порождать лишь политические решения, дающие символический эффект, и способны приводить к незначительным изменениям в области доходов и налогов, которые и так уже конституированы складыва-

ющимися экономическими условиями. Социализация и символические процессы заставляют многих людей считать такие второстепенные изменения значительными. Заинтересованные в них люди представляют их существенными, так как их политическая карьера и самооценка зависят от успеха таких представлений. Такой подход является явно оценочным суждением: политизация систематически скрывает от широкой общественности тот факт, что результаты формальных процедур носят символический или второстепенный характер. Без такой маскировки отношение бедных к этим процедурам, очевидно, было бы более критическим, а вера в то, что реального влияния можно добиться путем участия многих людей в прямых политических действиях, имела бы большее распространение.

Использование беспорядков

Представители неэлитных групп, особенно бедные слои населения, не обладают возможностью применять неформальные санкции и использовать другие ресурсы влияния на политические решения; однако если они действуют сообща, то могут создать беспорядки и способны запугать представителей элиты. Они редко прибегают к такому средству, потому что, будучи вовлеченными в политическую деятельность, широкие массы автоматически отказываются от беспорядков как средства выражения протеста. Признание необходимости решения проблемы политическими методами подразумевает согласие с неприемлемостью открытого противостояния власти. В связи с тем, что политический потенциал бедных сводится в конечном счете только к возможности коллективных акций, направленных на изменение установившегося порядка выработки политики, политизация минимизирует этот потенциал, заменяя его символическим участием и представительством. Последствия такой замены не очевидны, хотя и значительны. Политизация может считаться знаком того, что представители неэлитных групп отказываются от организации беспорядков, и поэтому элите нет необходимости идти на значительные уступки.

Все же иногда люди прибегают к пассивному сопротивлению, бунту, восстанию или экономической забастовке, которые часто представляют собой нечто большее, чем временное изменение в форме общественного спора по поводу определенных улучшений. Такие формы протеста подтверждают высказанную выше мысль о традиционной политике, так как они либо подавляются с помощью дополнительных сил, либо вы-

нуждают элиту пойти на существенные уступки. В Соединенных Штатах с помощью беспорядков бедные добились увеличения социальных пособий и либерализации положений о праве на социальную поддержку [Piven, Cloward 1971: ch. 1]. Французская, Американская, Российская и Английская революции являют собой гораздо более впечатляющие примеры применения коллективной силы для получения важных уступок.

Массовые беспорядки приводят к существенным уступкам, если они угрожают привилегиям элитных классов или разрушают программы, от которых зависит благополучие элиты. Общественный протест в мирной и насильственной форме неоднократно получал широкую поддержку, фокусируя внимание общественности на ужасных условиях существования и лишениях, которые не замечались в течение долгого времени, когда политическое участие происходило в традиционной и символической форме. В таких ситуациях беспорядки могут вызвать амбивалентность даже среди представителей власти и экономической элиты и создать благоприятные условия для получения уступок.

Беспорядки могут не получить поддержку потенциальных союзников, если они считают их более неприемлемыми, чем лишения, к которым протестующие пытаются привлечь общественное внимание; они могут рассчитывать лишь на символическую поддержку в том случае, если протест носит узкий характер и выражается с помощью традиционных способов, таких как демонстрации, забастовки или другие хорошо известные формы протеста [Lipsky 1968]. Ответ на вопрос о том, какую ответную реакцию получают предполагаемые беспорядки, зависит от форм политических процессов, описанных в ранее опубликованной нами статье (политические и символические процессы, получающие или нет массовую поддержку, рассматривались в следующей работе: [Edelman 1971]). Самой эффективной формой таких процессов является политизация.

Структурирование восприятия с помощью политизации

Являясь символом демократии, политизация систематически маскирует конфликтность интересов, которая сохраняется, несмотря на переговоры по их сближению. Принятие официальных процедур прямого или косвенного участия в решении проблем основывается на предположении, что разногласия происходят из непонимания, которое может быть устранено с помощью дискуссии, или что они основаны на привилегиях, которые легко отменить. По описанным вы-

ше причинам такие рутинные процедуры увековечивают и легитимизируют существующее неравенство в способности оказывать влияние, в области применения закона и в распределении ценностей.

Авторы многих практических и теоретических работ утверждают, что влияние, оказываемое наиболее широко известными официальными государственными программами, обычно невелико или вообще символично, особенно в тех случаях, когда как сторонники, так и противники ожидают от этих программ существенных перемен. Этот вывод справедлив по отношению к законодательству по гражданским правам, регулированию экономической деятельности, программам социального обеспечения и жилья и к другим важным внутригосударственным делам [см.: Dolbeare 1974].

В имеющихся на сегодняшний день исследованиях политических результатов и процесса формирования представлений высказывается предположение, что политизация привлекает внимание общественности к количественным показателям изменений, одновременно отвлекая его от восприятия общественного неравенства, остающегося практически на том же уровне даже при достижении этих показателей. Упорная борьба по поводу принятия закона о повышении социальных пособий на 8 % в итоге создает у его инициаторов и их сторонников впечатление победы или поражения, таким образом отвлекая внимание от неснижающейся бедности и неравных жилищных условий. В противовес этому, общественные беспорядки иногда привлекают внимание общественности к социальному неравенству, хотя это не базируется на каких бы то ни было поэтапных качественных изменениях.

Интенсивная политизация

Самые интенсивные формы политизации применяются по отношению к людям, которые посягают на законно установленный общественный порядок, нарушают закон или практикуют другие формы поведения, которые воспринимаются как слишком опасные или нетрадиционные, либо выступают в защиту подобных действий. Имущественные преступления представляют собой наиболее явную опасность, однако действия, символизирующие разрушение общепринятых убеждений о достойном поведении, задевают сторонников установленного общественного порядка даже сильнее, чем индивидуальные правонарушения. Необычный язык, одежда, манеры и нетрадиционные сексуальные, религиозные и политические действия и убеждения неоднократно приводили к выраже-

нию требований их насильственного подавления или определения как болезни, требующей лечения. В связи с тем, что люди традиционного поведения считают недопустимым восприятие такого поведения в качестве законной альтернативы их собственному моральному кодексу, они приветствуют определение нетрадиционалов как людей с индивидуальными отклонениями. Такая категоризация вызывает общественную реакцию, направленную на изменение поведения таких людей с помощью силы или давления со стороны окружающих, и в то же время отрицает политический характер такого воздействия.

В школах, агентствах по социальным пособиям, тюрьмах и психиатрических лечебницах люди с отклонениями подвергаются, часто вопреки их желанию, групповой терапии, профилактическим беседам с начальством, социальными работниками и психиатрами. «Люди с отклонениями» в подавляющем большинстве являются представителями бедноты, нарушившими закон или другие общественные установления; остальное составляют люди, которые не хотят или не могут адаптироваться к сложившемуся миропорядку и играть навязываемые им социальные роли. Посредством групповых дискуссий их принуждают относиться к своим проблемам как к личным недостаткам, которые можно исправить, если соблюдать принятые обществом правила поведения. Несогласных побуждают относиться к групповым дискуссиям как к особой форме демократического участия и терапии, а не общественного давления с целью подчинения личности обществу. Каковы бы ни были клинические эффекты такого участия, оно является интенсивным способом «размывания» представления о том, что интересы клиентов и властей противоположны в некоторых ключевых вопросах, и имплицитно побуждает людей заменить личную адаптацию к своему сложному положению на диссидентскую практику, враждебную позицию или проверку власти.

Тот факт, что профессиональные работники учреждений и их клиентура воспринимают такие дискуссии как форму самоуправления даже в том случае, если участие в них обязательно, является ярким примером амбивалентности представлений. Как работники учреждений, так и содержащиеся в них люди понимают и открыто утверждают, что такие собрания являются частью программы по предупреждению отклонений в поведении; они также понимают, хотя и не столь определенно, что персонал намеренно сужает перечень обсуждаемых вопросов и

предлагаемых решений и что только незначительные отступления от предлагаемых администрацией решений могут быть сделаны по инициативе членов группы. Однако сами формы демократического участия и представление о том, что содержащиеся в заведениях люди сами управляют своей жизнью, сосуществуют с пониманием того, что эти формы ограничивают участников в их активности. Эти формы порождают один набор представлений и уравнивают другой (непостоянный) набор. Мозг человека обращается к тому или другому набору представлений на основании определенных сигналов или окружающей обстановки.

Этот феномен хорошо виден в малых группах, и он проливает свет на характер такого же явления в масштабах всего государства; так происходит, потому что бедные и недовольные люди постоянно испытывают двойственное отношение к большинству социальных и экономических программ правительства. Они борются с несправедливыми налогами, недостаточным и унижительным социальным обеспечением и призывом на военную службу, обрекающим бедных на дополнительные жертвы [Davis, Dolbeare 1968], с образовательной системой, дающей крайне неэффективное обучение, и полицией, которая гарантирует бедным минимум защиты и максимум преследования. В то же время они обычно принимают эту дискриминационную политику потому, что она является конечным продуктом демократической системы, в которую представители народа социализируются для ее поддержания. В этих случаях форма и содержание правительственных действий порождают непостоянные когнитивные структуры. Наиболее сильным компонентом являются формы поддержки, так как они затрагивают каждого члена общества, в то время как протест предполагает деление общества на группы, нацеленные на решение своих специфических проблем. Представитель низшего среднего класса, недовольный расчетом своих налогов, скорее всего, останется равнодушным к проблемам безработного чернокожего человека, который не платит налогов и возмущается тем, как к нему относятся в отделе социальной защиты.

Дискуссионные группы, формально нацеленные на решение проблем своих членов, всегда действуют в контексте более крупной курируемой властями организации, способной дать более значительные преимущества и наложить более суровое наказание, чем дискуссионная группа. В такой ситуации можно рассчитывать, что «самоуправляемые» группы почти всегда будут дей-

ствовать в рамках границ, определенных властью, и сами осудят диссидентское мышление и поведение даже более сурово, чем это сделали бы власти. Как уже отмечалось, власти вынуждены избегать любого проявления деспотии, в то время как для людей одного сословия в условиях демократии такая озабоченность не имеет особого значения.

Среди конформистов всегда находятся люди, принимающие на себя роль поборников установленных правил, обычаев и морали и ревностно подавляющие нетрадиционное мышление и поведение. В связи с тем, что члены малых групп, которые не любят или не принимают дискуссии и «самоуправление», уклоняются от участия или остаются пассивными, люди, выступающие в роли покровителей (т. е. поборников правил), доминируют на собраниях и оказывают влияние на колеблющихся членов группы. Стремление принять на себя роль покровителя исходит из удовлетворенности правилами, страха либо надежды на вознаграждение; в любом случае эта роль не остается вакантной, так что установление самоуправления в малых группах является выгодной тактикой властей, обремененных контролем над поведением студентов, пациентов психдиспансеров и заключенных тюрем.

Поскольку роль покровителя задумана представителями доминирующих социальных групп, неудивительно, что она часто проявляется внутри низших социальных слоев даже там, где покровители открыто управляют группами, членами которых сами и являются. Яркими примерами могут служить случаи, когда роль покровителя исполняли рабы на американских плантациях [Elkins 1963] и узники нацистских концлагерей [Arendt 1963], призывники в армейских казармах и чернокожие полицейские в городских гетто. Хотя эти примеры даже формально не являются иллюстрацией самоуправления, они демонстрируют универсальность, с которой некоторые люди стремятся оправдать ожидания представителей доминирующих классов.

Роль покровителя обнаруживается и в представительных органах, включая законодательные собрания, государственные агентства и суды [Huit 1961; Edelman 1964: ch. 3], и в таких условиях она представляет собой внутреннюю консервативную тенденцию. Очевидно, что такой уклон в представительных органах выражен слабее, чем в тотальных институтах и диктаторских режимах, в которых власть управленцев выражена более явно и ее применение более предсказуемо. Бесспорно, что люди, принимающие на себя роль покровителя, испытывают

двойственные чувства по поводу ее принятия, и даже те члены групп, которые отказываются играть такую роль, вероятно, испытывают некоторый соблазн примерить ее на себя. Хотя власти и поддерживающие их «поборники правил» часто вынуждены отказываться в удовлетворении широко выражаемых требований, окружение, в котором они действуют, а также участие представителей народа в политике завуалирует враждебный характер их действий; такая «дымовая завеса» предоставляет власти полную свободу действий.

Двойственный характер готовности людей подчиняться власти имущим, отказываясь от собственной автономии, часто признавался социальными психологами и политологами и, вероятно, наиболее чутко проанализирован Эрихом Фроммом [Fromm 1944]. Легче всего (хотя вряд ли это будет правильно) отнести такую готовность на счет личных качеств определенного типа людей, которых можно определить «склонными к авторитарности», а не общечеловеческого стремления контролировать любое социальное объединение людей. Предрасположенность к «отказу от свободы» можно считать важным свойством групп, в которых коллективное принятие решений подменяется индивидуальным руководством и личной ответственностью. С тем же успехом подчинение групповым интересам или властям, несомненно, удобно для многих озабоченных и недовольных людей, поскольку помогает им преодолеть собственные проблемы и нерешительность. Очевидно, что групповые дискуссии дают положительный эффект по отношению к отдельным людям, но меня интересует политический аспект их воздействия на личность.

Изучение средотерапии и терапевтического эффекта малых групп в лечебных учреждениях подтверждает выводы о консервативном и символическом характере таких собраний, которые формально относятся к проявлениям самоуправления. Один из немногих психиатров, которые относят такие собрания к политическим феноменам, приходит к заключению, что самоуправление является, по сути дела, «псевдодемократией». Руководство учреждения определяет повестку дня таких собраний и продолжает контролировать их, оказывая давление на податливых пациентов с целью поддержания определенных правил; решения пациентов игнорируются, если они не нравятся руководству.

В этом же исследовании обнаружено, что в самоуправляемых психиатрических сообществах наблюдаются значительные

отклонения в настроении и морали как пациентов, так и персонала (см.: [Greenley 1973]. Другим исследованием, в котором автор приходит к подобным выводам, является следующая работа: [Bürsten 1973]. См. также: [Rubenstein, Lasswell 1966]). Часто наблюдаемые отклонения в настроении и морали являются свидетельством того, что собрания оказывают значительное психологическое давление, и этот факт никак не согласуется с утверждением о том, что эти собрания являются средством воздействия пациентов друг на друга, или о том, что они имеют терапевтический характер, если только не считать смерть разновидностью политического конформизма. Как отмечает Гофман в отношении психиатрических лечебниц, а Сикурел — в отношении школ [Goffman 1961: XIII; Cicourel, Kitsuse 1963], в этих заведениях нет ни одного места, где можно укрыться от слежки и давления, и очень мало независимости; вовлеченность членов групп в слежку и оказание давления усугубляет и то, и другое. В этом смысле самоуправление в своей символической форме является продолжением бюрократизации повседневной жизни. То, что называется самоуправлением в тоталитарно управляемых заведениях, по сути, является средством лишения возможности пациентов — членов малых групп принимать решения.

Руководство определяет ценности и методы проведения собраний. основополагающее убеждение в том, что личные и гражданские свободы индивида могут подвергаться ограничениям, определяет политику руководства и не может быть изменено. «Участие» сводится к помощи в претворении правил руководства в жизнь, а не к выработке линии поведения. Практически все участие заключается в узаконивании всевозможных лишений для низкостатусных участников. Формальные представители рабочих в комитетах по контролю над заработной платой разрабатывают правила, ограничивающие возможности их же товарищей по работе выражать протест в любой форме вплоть до забастовки; точно так же члены закрытых коллективов (тюрем, психбольниц и т. д.) на собраниях в рамках самоуправления принимают правила, ограничивающие проживающих вместе с ними товарищей в гражданских правах, которыми все остальные люди пользуются автоматически. Благодаря формальному участию представителей низкостатусных групп в управлении, лишение возможности пользоваться благами или вступать в переговоры классифицируется как форма социального воздействия.

Еще один принцип деятельности работ-

ников закрытых учреждений основан на сомнительной классификации: гражданские права и личная свобода определяются как «привилегии». Психиатр, занимавшийся изучением альтернативных терминов, пишет следующее:

Что касается термина *привилегия*, то работники учреждений рассматривают ее как поощрение, как добавку, которую необходимо заработать... Вряд ли можно протестовать против „лишения привилегий“, ...их еще нужно „заработать“, а некоторые члены коллектива вообще их „недостойны“. Ситуация полностью меняется, когда речь заходит о *правах*. Мы осторожнее подходим к вопросу о лишении прав, а восстановление в правах приносит нам меньшее удовлетворение. Я наблюдал, как отношение пациентов моей палаты менялось с изменением терминологии [Bürsten 1973: 733].

На основании наблюдений, проведенных в трех больницах, этот же автор пишет, что ему приходилось наблюдать резкое снижение напряженности и количества кризисных ситуаций, а также более раскрепощенную атмосферу в лечебных учреждениях, где руководство отказалось от претензий на самоуправление и просто предоставило больным их гражданские права.

Можно обнаружить удивительные аналогии в представлениях, акцентах и понятиях между психиатрическими учреждениями и нацистской Германией; эти аналогии свидетельствуют об общности психологических процессов, лежащих в основании этих форм управления. Привлекая внимание к этим аналогиям, я не хочу сказать, что они аналогичны с моральной точки зрения или что подобные принципы не могут иметь защитников в психиатрии, хотя я лично защищать бы их не стал. Для меня интересно проследить сходство воздействия этих структур на формирование политического сознания и поведения.

Эти аналогии вполне очевидны:

- 1) четкая иерархия по степени компетентности и заслугам; большинство населения относится к низшей категории и нуждается в сильном руководстве и контроле со стороны власти, которая имеет исключительное право на принятие политических решений;
- 2) придание любой индивидуальной деятельности статуса публичной и отнесение личных действий в разряд подозрительных и опасных;
- 3) отрицательное отношение к индивидуальности и, как следствие, акцент на адаптации к коллективу и уважении власти, что считается воплощением подлинных интересов общества;
- 4) очернение интеллекта как источника разделения, ошибок и заблуждений;
- 5) сильный акцент на чувствах, особенно на

воплощении чувств, разделяемых другими;

6) частое употребление метафор *здоровье* и *болезнь* по отношению к психологическому и моральному состоянию человека; при этом считается, что основная масса народа либо больна, либо находится в постоянной опасности заразиться, но ситуация может исправиться, если люди будут добросовестно играть предписанные им роли;

7) вытекающий из этого акцент на чистоте нравов, выражающейся в особых пуританских принципах поведения личности;

8) сильный акцент на необходимости остерегаться врага, который может быть очень опасен, так как он *выглядит* нормальным и безвредным: еврей или коммунист, источник или культура бедности, ведущие к заблуждениям;

9) готовность использовать силу для обеспечения победы здоровых сил над больными: профилактическое лишение свободы против воли человека, изменение или уничтожение больного человека или его личности.

Насаждение такой парадигмы предположений и представлений дает наивысшую степень подчинения установленным правилам и властям и является гарантией от принятия протестной политической позиции в форме самоутверждения, независимости или скептицизма. В то же время, по утверждению Э. Фромма, она порождает чувство массового удовлетворения и безопасности, так как усыпляет критические способности и снижает самостоятельность. Различные компоненты этой схемы явно усиливают друг друга; все они совместимы с акцентом на политическом языке. Поэтому чувство массового удовлетворения и безопасности, порождаемое этой структурой, наверняка продлится недолго, так как образ жизни, к которому она готовит людей, возможен только в придуманном окружении, которое ритуально в своих социальных формах, что затрудняет независимое исследование. Так как ошибки вряд ли можно обнаружить или исправить, эффективное решение абсолютно невозможно.

Вероятнее всего, формальное участие в таком виде оказывает более интенсивное и репрессивное воздействие на человека, чем в более демократических институтах, в которых социальная стратификация завуалирована, ожидается наличие интеллекта и приветствуется определенная независимость в принятии решений. Во втором случае независимое исследование и информация из неправительственных источников могут оказывать влияние на формирование политической линии, а сам факт использования неформальных источников при принятии поли-

тических решений усиливает уверенность в себе и независимость. Общим у обоих вариантов является формальный характер процедур. В обоих случаях эти формальные процедуры (например, собрания) подталкивают к принятию доминирующих представлений; однако в авторитарных институтах только официальные власти имеют право выходить за рамки сферы формальных процедур.

Открытое признание и сглаживание отношений соперничества

Политические ситуации, привлекающие внимание к соперничающим интересам и к формам власти, доступным заинтересованным группам, рискованны для власти и доминантных социальных групп. Силовое подавление и открытое сопротивление являются крайними проявлениями такого противостояния. Применение силы для подавления сопротивления или несогласия порождает страх перед произвольным и деспотическим использованием власти. Оно вызывает общественные беспорядки, которые могут привести к ограничению власти или свержению режима, если только подавление не подкрепляется психологическими уловками, придающими насилию законный характер. Поэтому использование силы для подавления несогласия с властью является явным признаком того, что режим нестабилен и ограничен в средствах как раз потому, что силовое подавление символизирует неограниченную власть.

Как в общих, так и в интенсивных формах политизация оказывает противоположное воздействие на общественное мнение. Привлекая внимание общественности к вопросу участия в политике, не афишируя существование соперничающих интересов и представляя власть как силу, способную помочь и поправить положение, политизация символизирует ограничение элитарной власти в узких границах. В таком случае общественное внимание привлекается к самой процедуре, а не к ее результату; в итоге способность убедить, ослабить или сбить с толку диссидентов возрастает.

Участие в мероприятиях, в которых соперничество проявляется открыто, повышает самооценку людей с низким социальным статусом — тех, кого называют неадекватными, некомпетентными, имеющими отклонения или раболепными. Скорее всего, повышенная самооценка и повышенная готовность защищать свои права связаны друг с другом. В Англии начала XIX в. [Thompson 1964: ch. 11] и в США 30-х гг. XX в. промышленный рабочий, впервые принявший уча-

стие в открытом конфликте со своим работодателем, обычно ощущал прилив самоуважения и гордился собой. Франц Фэнон приходит к заключению, что открытое сопротивление африканских стран продолжающемуся правлению европейских государств также привело к появлению более самостоятельной личности [Fanon 1965].

Между закрытыми учреждениями существуют различия в оценке рядовыми членами коллектива степени противопоставленности их собственных интересов интересам руководства. В тюрьмах властные отношения вполне очевидны: заключенные и охранники осознают свои интересы как взаимно противоположные, поэтому подчинение предполагает наличие принуждения. Заключенному нет необходимости усваивать свой подчиненный статус в форме осознания того, что он заслуживает наказания и получит от его исполнения пользу. В меньшей степени и с большей долей сомнения это справедливо применительно к отношениям между учениками и учителями в школах, особенно в гетто, где школьное обучение напоминает лишение свободы в большей степени, чем в благополучных районах. Движение за внедрение психиатрической и социальной помощи в школьные программы и тюрьмы политически направлено на вуалирование властных отношений и внутреннее осознание подчиненными прав руководства; однако вызывает сомнение тот факт, что такое внедрение эффективно достигает поставленной цели, так как вполне понятно, кому принадлежит власть, и как заключенные, так и ученики легко создают неформальные группировки, которые добиваются некоторых уступок и таким образом подчеркивают наличие соперничающих интересов. В случаях, когда устанавливаются символические отношения подчинения и самоуправления, они считаются средством проверки физической власти, и только в редких случаях выступают как явления, обладающие интеллектуальной или моральной ценностью.

По-другому обстоит дело с получателями социальных пособий и пациентами психиатрических диспансеров. Ранняя социализация внушает веру в то, что эти учреждения помогают неадекватным пациентам, а действия персонала только укрепляют такое представление, даже при условии, что сами получатели пособий и пациенты сильно в этом сомневаются. Пациенты психиатрических лечебниц чаще склонны относиться друг к другу как к интеллектуально и морально неадекватным людям и, таким образом, поддаются давлению со стороны пер-

сонала, а не пытаются объединиться для борьбы с руководством. Получатели социальных пособий, как правило, не находятся между собой в таких отношениях, которые привели бы к образованию группировок. Когда появляется лидер, способный объединить людей, как, например, в Организации по борьбе за социальные права, то люди испытывают повышенное самоуважение и уверенность и веру в способность отвоевать уступки у властей.

Ритуалы подавления усиливают неравноправие и личную изоляцию: лишение обычных гражданских прав и требование согласиться с диагнозом ненормального человека для психических больных, проверка уровня нуждаемости, бюрократическое копание в личной жизни и длительное ожидание в ужасных условиях для получателей социальных пособий. Главным фактом, однако, является то, что силовые отношения вуалируются, а это, в свою очередь, позволяет власти получить поддержку большей части общества, одновременно минимизируя стимулы для получающей «помощь» части общества отстаивать свои права или вступать в противодействие.

Свидетельством наличия соперничающих интересов и власти является тот факт, что все чаще применяемая практика насильственной коррекции поведения вызывает активный протест в тюрьмах на том основании, что она подавляет и угнетает заключенных под прикрытием научности; но в психиатрических лечебницах такая практика не вызывает сопротивления и используется там чаще, а ее методы и политические последствия остаются без изменений.

Хотя можно обнаружить аналогии и в большой политике, и о некоторых я уже говорил, большая часть моего исследования затрагивает формы политизации (т. е. участия в выработке политических решений) в заведениях для детей и людей, которым не удается жить в соответствии с принятыми обществом нормами. Эти заведения играют центральную роль на более высоком политическом уровне; и эта роль особенно важна потому, что она обычно не признается или минимизируется. Большинство членов общества ведут себя в приемлемых рамках в результате обычных процессов социализации и не нуждаются в интенсивной политизации. Однако приклеивание ярлыков и изоляция части общества как «девиантных личностей» составляет мощное, хотя и маскируемое и утонченное средство усиления конвенциональной мысли и поведения. Те, на кого навешиваются такие ярлыки, служат примером для каждого, позволяя отделить

нормальность от ненормальности. В этом случае политизация лежит в основании заведений с авторитарным управлением и усиливает нормы, которые находят скрытое проявление в большой политике.

Аполитичность

Представление проблемы как не связанной с политикой часто используется за способность, наряду с политизацией, снизить напряженность, хотя это диаметрально противоположные категории. Определение проблемы как профессиональной или технической оправдывает участие в ее решении профессионалов и техников и обосновывает принятие широкими массами профессионального заключения. Такое решение снимает необходимость традиционных политических митингов и снижает вероятность массовых протестов или беспорядков.

В качестве символических процессов политизация и аполитичность (отстраненность от участия в политических процессах) усиливают друг друга, так как оба явления создают общественный покой, оставляя тактику критического влияния на политику социальным группам, способным привлекать для этого специальные ресурсы в виде денег, умений и общественного признания. Население, которое с детства заверяют в том, что оно неспособно принимать участие в решении важных вопросов, потому что они сложны и технологичны, еще больше довольствуется символическим участием, которое не выходит за рамки, установленные профессионалами и чиновниками, и основной целью которого является понуждение к конформизму. Когда политический вопрос угрожает перерасти в конфликт, завести в тупик или дать результат, неприемлемый для элиты, он может быть признан неподходящим для политизации: его выгоднее решить с помощью выполненной специалистами экспертизы, чем путем политических переговоров и компромисса. Население в своем большинстве относится к такому пути решения проблемы с одобрением, так как он позволяет людям, столкнувшимся с серьезной проблемой и не знающим, как ее разрешить, передать ее тем, кто знает пути для ее решения.

Немногие люди любят участвовать в политических мероприятиях, и, вероятно, это хорошо. Для большинства из нас более важными являются другие ценности, а не участие в политической жизни. Мы предпочли бы любить, а не воевать, читать книги, кататься на лыжах, играть в бильярд или лепить, а не обсуждать городское районирование или международные торговые соглаше-

ния. В то же время мы ясно понимаем, что политические решения могут глубоко затронуть наши жизни и даже уничтожить нас физически. Следствием такой комбинации глубокой заинтересованности и отсутствия желания участвовать в принятии политических решений является надежда на то, что люди, принимающие политические решения, окажутся знающими и любящими свое дело. В связи с тем, что принятие лидера или представителя власти, который, предположительно, знает пути решения проблемы, в большой степени зависит от нашего желания избежать участия в политике, вполне понятно, что политические решения обычно принимаются на долгосрочный период вне зависимости от их последствий. Обаяние политика, исходящее от его или ее умения представить свою исключительную способность справиться с проблемой, привлекает к себе внимание общественности; результаты политических действий, о которых и узнать-то непросто, остаются за пределами общественных знаний.

Рассмотрим примеры «проблем», решение которых осуществляется обычно таким образом, чтобы исключить из участия в нем представителей наиболее пострадавших от них групп населения. До начавшегося в последнее время активного вмешательства общественности в вопросы расположения автомобильных дорог инженеры-автодорожники обычно заявляли, что городские скоростные автомагистрали с экономической точки зрения выгоднее проводить через районы проживания бедняков, таким образом обрекая на снос важные для малоимущих районы и лишая их дешевого жилья. При этом утверждалось, что такое решение основывается на экономических соображениях; считалось, что инженеры знают, как рассчитывать затраты на строительство. Отказ в предоставлении бедным участия в решении такой проблемы, пропорционального понесенному ими ущербу от такой политики, воспринимается большинством людей, включая и самих бедняков, вполне законным на основании отнесения проблемы в разряд профессиональных. Для большинства представителей среднего класса, видящих в этом вопросе какую-то проблему, рациональность процесса самоочевидна, а страдания бедняков не попадают в поле зрения. Отнесение проблемы в разряд «профессиональных» или «технических» носит явно метафорический характер, так как подчеркивает одну сторону проблемы, оставляя без внимания другие; эта метафора вызывает или усиливает когнитивную структуру в сознании индивида или доминантное общественное мнение в политике.

Государственные деятели регулярно перестраивают свое поведение и мотивы с тем, чтобы придать им характер законности для привлечения поддержки широких масс. Ф. Пивен и Р. Клауэрд, например, обнаружили, что списки получающих социальные пособия людей расширяются во время роста социальной напряженности и сокращаются, когда власти считают, что в данный момент они могут сократить социальную помощь, не опасаясь роста беспорядков [Piven, Cloward 1971]. Однако как законодательные, так и исполнительные решения о расширении или сокращении списков получающих социальные пособия неизменно обосновываются с профессиональных позиций или с позиций нуждаемости. Если беспорядки упоминаются в публичных речах, то на них почти всегда ссылаются с целью заявить, что власти *никогда не пойдут* на уступки «насильственным и незаконным требованиям». Такая риторика, очевидно, имеет целью завоевание поддержки, а не сообщение оснований для принятия решения.

Все чаще государственные деятели заявляют, что имеющиеся у них специальные сведения и необходимость экспертного планирования являются основанием для исключения из открытой политики обсуждения решений, которые оказывают наиболее сильное влияние на общественное благосостояние. Ни общественности, ни конгрессу нельзя доверить решение вопроса о начале войны или ее эскалации, потому что только исполнительная власть располагает специальными разведывательными данными, необходимыми в данном случае. Внешняя политика в основном не должна осуществляться политиками. Городским планированием должны заниматься специалисты в этой области, а не горожане, и особенно не те, кто живет в центре города, а не на окраинах.

Обратите внимание на тот факт, что именно языковая категоризация этих проблем придает статус легитимности праву специализированных органов решать их, даже при условии, что их решения систематически затрагивают многие другие аспекты жизни людей. Военные специалисты по планированию создают рабочие места в одних отраслях и порождают безработицу в других, повсеместно провоцируют инфляцию и во многих областях создают моральные дилеммы; однако во всех случаях проблема получает ярлык «военной». Психологи укрепляют нормативное представление о том, что оптимистическое отношение к бед-

ности, войне или сокращению продолжительности жизни является нормальным, в то время как отчаяние или гнев перед лицом этих неприятностей ненормальны; однако их решения получают ярлык «медицинских».

В современном мире правительственное решение может иметь серьезное влияние на многие аспекты нашей жизни, а не на один или несколько из них. Поэтому отнесение политических решений к «военным» или «медицинским» является метафорическим или метонимическим переносом значения этих слов. Такое употребление слов соотносит их с более широкой парадигмой представлений или подчеркивает сходство с чем-то уже знакомым, одновременно маскируя другие важные свойства. Перенос значения придает видимость законности определенным политическим решениям и в то же время скрывает актуальность других интересов.

Обеспокоенность, связанная с внешними врагами, подрывной деятельностью внутри государства и девиантным поведением, имеет особенно широкое распространение и часто усиливается государственными деятелями. Военные, полицейские и психиатрические власти регулярно получают выгоду от такого лингвистического структурирования. Обеспокоенность, связанная с экономическими и социальными проблемами, наоборот, свойственна отдельным группам населения, проявляется нерегулярно и постоянно преуменьшается государственными заверениями в том, что перспектива положительна. Любой режим считает политически важным моментом заверение в том, что его экономическая и социальная политика успешны, даже если они усиливают страх перед внешними и внутренними врагами. В результате экономические и социальные проблемы, являющиеся следствием решений, классифицируемых как «военные», «связанные с безопасностью» и «реабилитационные», обычно скрываются от широкой общественности с помощью метафор. Такое систематическое преувеличение угроз, позволяющее легитимизировать власть, и систематическое преуменьшение опасности, которое придает видимость законности внутреннему перераспределению материальных ценностей и влияния, неизбежно влияет на эффективность государственной политики. Оно перенаправляет ресурсы на борьбу с мифическими угрозами и создает ситуацию, в которой эффективное решение проблем незлитных социальных групп становится нереальным.

M. Edelman
USA

CATEGORIZATION, PERCEPTION, AND POLITICS (3)

ABSTRACT. This is a continuation of translation of some parts from the book "Political Language: Words that succeed and policies that fail" by Murray Jacob Edelman, published in 1977. The given abstracts regard the relationship between politicization and legitimization of power.

The definition of people with little status as directly involved in making public policy discourages them from resisting and at the same time minimizes the likelihood that a wider public will perceive them as unfairly deprived. In this sense, the perception of problematic political action as participation in government engenders quiescence, while a focus on adversary interests encourages resistance. Political participation symbolizes influence for the powerless, but it is also a key device for social control. Political influence flows from the employment of resources that shape the beliefs and behavior of others. Common resources include expert skills, the restriction of information, the ability to confer favors on others or to injure them, physical force, and subtle or crude bribery. While exercising self-government and in connection with the fact that small groups members who dislike or resent discussions and this form of "self-government" withdraw or remain passive, those in the guardian role dominate meetings and influence members who vacillate. Antipolitics, alongside with politicization, induces mass quiescence: the definition of a decision as professional or technical in character justifies decision making by professionals and technicians and promotes mass acceptance of their conclusions. It therefore avoids the need for ritualized political meetings and minimizes the likelihood of mass protest or disorder.

KEYWORDS: political discourse; categorization; the image of enemy; political metaphorology; stereotypes; political metaphor.

ABOUT THE AUTHOR: Edelman Murray Jacob (1919—2001), master's degree in history (1942, University of Chicago), Ph. D. in Political Science (University of Illinois, 1948). University of Illinois (since 1948), University of Wisconsin — Madison (since 1966), retired in 1990.

ABOUT THE TRANSLATORS:

Pirozhkova Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Polyakov Sergey Mikhaylovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia..

REFERENCES

1. Alford R. Health Care Politics. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1975.
2. Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. — London : Faber, 1963.
3. Bürsten B. Decision-Making in the Hospital Community // Archives of General Psychiatry. 1973. № 29, Dec. P. 732—735.
4. Cicourel A. V., Kitsuse J. I. The Educational Decision-Makers. — Indianapolis : Bobbs-Merrill, 1963.
5. Davis J., Dolbeare K. Little Groups of Neighbors. — Chicago : Markham, 1968.
6. Dolbeare K. The Impacts of Public Policies // American Government Annual. 1974.
7. Dye T. R., Ziegler H. L. The Irony of Democracy. — Belmont, Cal. : Wadsworth, 1970.
8. Edelman M. Language and Social Problems // Society. 1975. № 12 (July—Aug.). P. 14—21. © 1975 Transaction, Inc.
9. Edelman M. Politics as Symbolic Action. — New York : Academic Pr., 1971.
10. Edelman M. The Licensing of Radio Services in the United States, 1927 to 1947. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1950.
11. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1964.
12. Elkins S. M. Slavery: A Problem in American Institutional and Intellectual Life. — New York : Grosset and Dunlap, 1963.
13. Fanon F. The Wretched of the Earth. — London : MacGibbon and Kee, 1965.
14. Fromm E. Escape from Freedom. — New York : Farrar, Strauss, and Giroux, 1944.
15. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. — Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall, 1967.
16. Goffman E. Asylums. — Garden City, N.Y. : Anchor, 1961.
17. Goodwin L. Do the Poor Want to Work? — Washington, D.C. : The Brookings Institution, 1972.
18. Greenley J. R. Types of Authority and Two Problems of Psychiatric Wards // Psychiatric Quarterly. 1973. № 47. P. 191—202.
19. Huitt R. K. The Outsider in the Senate: An Alternative Role // American Political Science Review. 1961. № 55, Sept. P. 566—575.
20. Kramer R. M. Participation of the Poor: Comparative Case Studies in the War on Poverty. — Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall, 1969.
21. Lerner M. J. All the World Loathes a Loser // Psychology Today. 1971. № 5 (June).
22. Lipsky M. Protest as a Political Resource // American Political Science Review. 1968. № 62, Dec. P. 1144—1158.
23. Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception. — London : Routledge and Kegan Paul, 1962.
24. Mueller C. The Politics of Communication. — New York : Oxford Univ. Pr. 1973. P. 24—42.
25. Mueller J. E. Trends in Popular Support for the Wars in Korea and Vietnam // American Political Science Review. 1971. № 65, June. P. 358—375.
26. Pears D. Ludwig Wittgenstein. — New York : Viking, 1970. P. 149—178.
27. Piven F. F., Cloward R. A. Regulating the Poor. — New York : Vintage, 1971.
28. Rubenstein R., Lasswell H. D. The Sharing of Power in a Psychiatric Hospital. — New Haven : Yale Univ. Pr., 1966.
29. Sarbin T. R. The Myth of the Criminal Type. — Middletown, Conn. : Wesleyan Univ., Center for Advanced Studies, 1969. (Quoted in Struggle for Justice // American Friends Service Committee. P. 77—78).
30. Schütz A. Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Philosophy and Phenomenological Research. 1953. № 14, Sept.
31. Simon H. A. Administrative Behavior. 2nd ed. — New York : Macmillan, 1957.
32. Spiro H. The Politics of German Codetermination. — Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Pr., 1958.
33. Struggle for Justice / American Friends Service Committee. — New York : Hill and Wang, 1971.
34. Thompson E. P. The Making of the English Working Class. — London : Penguin, 1964.
35. U. S. Department of Health, Education and Welfare. Work in America. — Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1972.
36. U. S. Department of Health, Education, and Welfare. Report of the New Jersey Graduated Work Incentive Experiment. — Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1973.